

Светлана Кобец

Млечный Путь

Светлана Кобец

Млечный Путь

«Автор»

2026

Кобец С.

Млечный Путь / С. Кобец — «Автор», 2026

«Млечный путь» — книга о дороге человека из вечности в вечность. В её центре — судьба архиепископа Владимира Кобец: мальчика Кости из украинского села, послушника Киево-Печерской лавры, санитаря Первой мировой войны, монаха, священника, архимандрита блокадного Ленинграда, наместника Псково-Печерского монастыря, епископа, главы Русской духовной миссии в Иерусалиме. Но это не обычная биография. Автор идёт по следам владыки Владимира через города, монастыри, войны и десятилетия, оставляя неизвестному право оставаться тайной. Документы и даты здесь соседствуют с колокольным звоном, запахом монастырского хлеба, осенним дождём и звёздами над голубыми куполами. Постепенно отдельные события складываются в одну дорогу — Млечный путь человеческой жизни. Дорогу, которая начинается раньше, чем мы способны её помнить, и не заканчивается последней земной датой. Потому что у Бога все живы.

© Кобец С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Улыбка Бога	7
Семья	9
Время	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Светлана Кобец

Млечный Путь

Предисловие

Есть дороги, по которым мы идём сами.
А есть те, которые начинаются задолго до нас.
Мы можем ничего о них не знать.
Не помнить имён.
Не знать дат.
Не представлять, по каким улицам ходили люди, жившие до нас, что видели из своих окон, чему радовались, чего боялись, о чём просили Бога.
А потом однажды оказываемся в месте, где время вдруг становится немного другим.
Со мной это случилось в Псково-Печерском монастыре.
Впрочем, здесь со временем вообще происходят странные вещи.
Оно то идёт рядом, послушно отсчитывая часы до службы, то вдруг исчезает совсем.
И тогда люди, жившие много лет назад, оказываются совсем близко.
Не потому, что мы знаем о них всё.
Как раз наоборот.
Человеческая жизнь редко остаётся нам целиком.
Несколько дат.
Фотографии.
Документы.
Чьи-то воспоминания.
Иногда одна строчка.
Иногда тишина.
Так передо мной постепенно возникала дорога владыки Владимира.
Не биография.
Биографии обычно знают, куда идут.
Они начинают с рождения человека, последовательно ведут его через годы и заканчиваются последней датой.
Мне хотелось другого.
Мне хотелось идти рядом.
Останавливаться там, где хотелось остановиться.
Смотреть.
Слушать.
Иногда задавать вопросы, на которые уже никто не ответит.
И не придумывать ответы.
Потому что тишина тоже принадлежит человеческой жизни.
Наверное, поэтому эта книга началась не с даты.
Она началась с мальчика.
Он стоял в храме и смотрел туда, куда детям почему-то всегда хочется заглянуть.
В алтарь.
И улыбался.
Я не знаю, чему он улыбался.
Может быть, просто был счастлив.
А может быть, Бог улыбался ему в ответ.

Мне понравилась эта мысль.
С неё всё и началось.
А дальше была дорога.
Я ещё не знала, куда она меня приведёт.
Поэтому просто пошла.

Улыбка Бога

Я опять приехала в Печоры.

Наверное, в монастырь можно приезжать много раз и каждый раз видеть его немного другим.

А может быть, это мы сами становимся другими и потому замечаем то, мимо чего прежде проходили.

На богослужении я увидела мальчика.

Он стоял тихонько и смотрел в алтарь.

И вдруг улыбнулся.

Не кому-то из стоящих рядом. Просто улыбнулся — едва заметно, как улыбаются чему-то своему, понятному только тебе.

Я посмотрела на него ещё раз.

Мальчик снова улыбнулся.

И почему-то мне подумалось: наверное, он сейчас разговаривает с Богом.

А может быть, это Бог ему улыбнулся.

Кто знает...

Я смотрела на него и вдруг вспомнила Костю.

Маленького Костю Кобец, который жил когда-то совсем в другом времени, в селе, где храм был частью обычной жизни.

Он ходил в церковную школу.

Учился читать, писать, считать.

Наверное, бегал с другими мальчишками, шалил, радовался каким-то своим детским радостям.

Жизнь была рядом — простая, привычная, крестьянская.

В 1900 году он окончил два класса церковного училища.

Ему было шестнадцать.

Шестнадцать лет — возраст, когда жизнь ещё кажется длинной и впереди много дорог.

Можно было остаться в своём краю.

Можно было петь на клиросе родного храма. Можно было стать певчим, дьячком.

Жениться, построить дом, растить детей.

Жить среди своих, как жили до него и после него многие.

Ничего плохого в этой жизни не было.

Совсем наоборот.

Это была хорошая человеческая жизнь.

Но у Кости оказалась другая дорога.

Через несколько лет он пришёл в Киево-Печерскую лавру.

Послушником.

На клирос.

Петь.

И вот здесь мне хочется немного задержаться.

Не потому, что мы должны сейчас узнать, что произошло с Костей.

Мы этого не узнаем.

А потому, что иногда человеку достаточно просто однажды услышать что-то такое, чего другие рядом с ним не слышали.

Что именно?

Может быть, слово.

Может быть, песню.

Может быть, тишину после службы.

Может быть, он и сам не смог бы тогда объяснить.

А может быть, объяснять это вообще не нужно.

Мы привыкли думать о больших решениях как о чём-то очень ясном: человек подумал, взвесил, решил.

Но разве всегда так бывает?

Иногда дорога начинается совсем незаметно.

Сначала мальчик просто любит стоять в храме.

Потом ему хочется петь.

Потом он остаётся после службы.

Потом однажды оказывается в другом храме.

А потом понимает, что домой ему уже не хочется.

Не потому, что дома плохо.

А потому, что где-то впереди ему стало светло.

Костя ушёл в Лавру.

И мне почему-то кажется, что в тот момент никто ещё не мог знать, куда приведёт его эта дорога.

Да и он сам, наверное, не знал.

Перед ним была только первая ступенька.

Как у того мальчика, которого я увидела сегодня в Печорах.

Он тоже ещё ничего не знает.

Стоит себе и смотрит в алтарь.

И улыбается.

А я смотрю на него и думаю о Косте.

Может быть, когда-то и он вот так же смотрел.

А может быть, совсем иначе.

Мы этого не знаем.

Но знаем другое.

Иногда Господь касается человеческой души так тихо, что никто вокруг этого не замечает.

Даже сам человек.

А потом проходит много лет, и мы смотрим на его жизнь уже издалека.

И видим дорогу.

Откуда она началась?

Куда привела?

Почему именно она?

Наверное, на это нет человеческого ответа.

И между ними — туман вечности.

Мальчик в храме.

И его улыбка.

Семья

Богослужение закончилось.

Люди понемногу выходили из храма на площадь, но никто особенно не торопился рас-
ходиться.

Наверное, после хорошей службы всегда немного не хочется уходить.

Монахи вышли из храма строем и с молитвой направились в сторону братского корпуса
и трапезной.

Я снова увидела того мальчика.

Он шёл вместе со всеми. Рядом был папа.

Я смотрела им вслед и почему-то подумала:
семья.

Большая монастырская семья.

Очень разная, конечно. Со своими характерами, возрастом, привычками, послушаниями.

Кто-то прожил здесь почти всю жизнь, а кто-то, может быть, только начинает понимать,
зачем пришёл.

А потом я посмотрела вокруг.

На площади стояли мы.

Тоже очень разные.

Мужчины и женщины. Старики и дети. Девочки в красивых платьях.

Женщины в платках. Кто-то был одет совсем по-городскому, кто-то — в традиционную
одежду.

Кто-то приехал издалека, кто-то живёт совсем рядом.

Известные и неизвестные.

Богатые и небогатые.

Весёлые и задумчивые.

У каждого своя жизнь.

Своя семья.

Свои радости.

Своя боль.

Своя дорога к этому месту.

И всё-таки сейчас мы стояли вместе.

Не знаю, можно ли назвать семьёй людей, которые даже не знают имён друг друга.

Наверное, можно.

Если Отец один.

Я опять посмотрела на мальчика.

Он уже уходил вместе с монахами и папой.

Улыбки я больше не видела.

Но она почему-то осталась.

Улыбка Бога.

Может быть, каждый из нас когда-нибудь видел её.

Просто по-разному.

Одному она досталась в храме.

Другому — в ребёнке.

Кому-то — в человеке, который оказался рядом именно тогда, когда был нужен.

Кому-то — в неожиданно наступившей тишине.

А кто-то всю жизнь называл её просто счастьем и только потом понял, Кто ему улыбался.

Я стояла на монастырской площади и вдруг подумала ещё об одном.

Мы ведь никогда не приходим к Богу одни.
За каждым из нас стоят люди.
Мама.
Отец.
Бабушка.
Дед.
А за ними — другие.
И ещё другие.
Имена некоторых мы помним.
Других уже нет.
Но когда-то они тоже любили, растили детей, молились, ошибались,
мирились, начинали сначала и просили Бога сохранить тех, кто будет жить после них.
Иногда от человека остаётся фотография.
Иногда имя.
Иногда ничего.
А иногда остаётся несколько листов старой бумаги.
До меня дошло духовное завещание, написанное в Киеве в 1849 году.
Константин Акимович Кобец оставлял детям имущество, дом, деньги.
Распоряжался обстоятельно, по-хозяйски. Заботился о дочерях, о сыновьях, о жене.
Но потом среди всех этих земных распоряжений написал самое главное:
«Живите, дети, мирно, в братской дружбе, тишине и согласии!
Ведите себя честно и скромно... Почитайте мать и старших себя!»
И ещё:
«А я и в будущем веке не перестану молиться о счастье вашем».
В будущем веке...
Я перечитывала эти слова и думала о времени.
Человека, написавшего их, давно нет.
А молитва?
Где заканчивается молитва родителей за своих детей?
На детях?
На внуках?
На правнуках?
Не знаю.
Наверное, молитва вообще не очень считается со временем.
Мы привыкли делить его на прошлое, настоящее и будущее.
Раскладывать жизнь по годам. Ставить даты рождения и смерти.
А у Бога, наверное, всё иначе.
Человек однажды попросил Его сохранить своих детей — и ушёл.
Дети выросли.
У них появились свои дети.
Потом ещё дети.
Менялись дома, фамильные истории, города, страны.
А однажды старый лист оказался у меня в руках.
И я прочитала:
живите мирно.
Любите друг друга.
Почитайте мать.
И вдруг подумала: а ведь я читаю это тоже.
Значит, слова дошли.

А молитва?
Может быть, и она дошла.
Я подняла глаза.
На площади всё ещё было много людей.
Сколько же нас здесь на самом деле?
Если поставить рядом с каждым тех, кто когда-то молился за него,
наверное, мы уже не поместились бы на монастырской площади.
И где-то среди них стояли бы люди, которых я никогда не видела.
Мои.
И среди них — те, кто жил задолго до рождения Кости Кобец.
Тогда семья значила очень многое.
Особенно в селе.
Она была домом, работой, защитой, продолжением жизни.
Дети росли рядом со взрослыми и довольно рано узнавали, что у каждого в доме есть своё дело.
Старшие становились стариками не где-то отдельно — здесь же, рядом.
Младшие выросли, женились, приводили в дом жён. Рождались новые дети.
Жизнь не начиналась с каждого человека заново.
Она продолжалась.
Наверное, поэтому мне так понятны слова старого заветания:
«А лучше всего, ежели братья будут жить вместе».
Вместе.
В этом маленьком слове почти весь тот мир.
Не потеряйтесь.
Не рассорьтесь.
Не растеряйте друг друга.
Сохраните семью.
И в такой мир пришёл Костя.
Не будущий архиепископ.
Не владыка Владимир.
Просто ребёнок.
Он рос в крестьянской семье, ходил в церковную школу.
Храм был рядом с его жизнью с детства — не отдельным красивым зданием,
куда иногда заходят, а частью самого порядка жизни.
Колокол звал не только на службу.
Он словно говорил человеку, какой сегодня день.
Праздник.
Пост.
Воскресенье.
Время работать.
Время остановиться.
Время молиться.
Костя учился.
Взрослел.
Наверное, его жизнь тоже представлялась окружающим довольно понятной.
Выучится.
Будет работать.
Когда-нибудь женится.
Появится свой дом.

Дети.

А если останется при храме — почему бы и нет?

Мне почему-то легко представить его через много лет добрым, немного располневшим певчим.

Рядом — розовощёкая матушка.

Дома шумно.

Кто-то из детей плачет, кто-то уже успел стащить со стола пирожок, матушка делает вид, что не заметила.

А сам Костя поёт по воскресеньям в храме и после службы неспешно идёт домой.

Хорошая жизнь.

Тёплая.

Только её не случилось.

Почему-то именно здесь я особенно чувствую монашеский выбор.

Не тогда, когда человек уходит от того, что ему ненавистно.

А когда он может остаться.

Когда у него есть дом.

Могла быть семья.

Дети, которые могли бы однажды назвать его отцом.

Обыкновенное человеческое счастье.

И всё это не отвергнуто как плохое.

Просто сердце почему-то просит другого.

Костя окончил церковное училище в шестнадцать лет.

А в двадцать один пришёл послушником в Киево-Печерскую лавру.

Между этими двумя событиями прошло пять лет.

Пять лет его жизни.

Они остались там.

В его времени.

И, пожалуй, не хочется тревожить их догадками.

Мне достаточно знать, чем они закончились.

Двадцатиоднолетний Костя однажды оказался у дверей Лавры.

Наверное, за эти пять лет он успел стать взрослее.

Но всё равно — двадцать один год...

Совсем молодой.

В этом возрасте обычно кажется, что впереди бесконечно много времени и ещё много дорог впереди.

По ним можно идти и вернуться.

Наверное.

Можно было.

Жениться.

Начать всё иначе.

Бог ведь не отнял у него эту дорогу.

Костя сам выбрал другую.

Послушание его было клиросным.

Он пел.

И вот это почему-то трогает меня особенно.

Его путь к монашеству начался не с лишений.

Не с кафедры.

Не с архиерейского облачения.

С голоса.

Он стоял среди других и пел Богу.
Как гимн жизни.
Как пели до него.
Как будут петь после.
И, может быть, именно поэтому сегодня, спустя столько лет,
я увидела в Печорах улыбающегося мальчика.
Он стоял и смотрел в алтарь.
Я не знаю, что будет с ним дальше.
Да это и не моё дело.
У каждого своя дорога.
Просто иногда Бог улыбается человеку.
А человек вдруг узнаёт эту улыбку.
И отвечает.
Не обязательно сразу.
Иногда на ответ уходит несколько лет.
Иногда — вся жизнь.

Время

Я ещё долго стояла на площади.
Люди понемногу расходились.
Кто-то спешил к выходу, кто-то останавливался поговорить, кто-то фотографировал монастырь.
А мне никуда не хотелось идти.
Я смотрела на камни под ногами и почему-то совсем не чувствовала времени.
Странное у него здесь свойство.
Оно словно перестаёт торопиться.
Может быть, потому, что эти камни помнят гораздо больше нас.
По ним ходили люди, которых давно нет.
Спешили на службу.
Возвращались в кельи.
Встречали кого-то.
Прощались.
Радовались.
Боялись.
Молились.
А камни оставались.
Иногда мне кажется, что старые монастыри немного похожи на двери.
Не в прошлое.
В вечность.
Здесь прошлое никуда не уходит, настоящее длится всего мгновение,
а будущее однажды тоже станет чьей-то памятью.
И всё существует рядом.
Наверное, поэтому мне опять вспомнился Костя.
Только теперь уже не мальчиком.
Я попыталась представить не его, а время, которое было ему дано.
1884 год.
Обыкновенная дата в биографии.
Родился.
Но человек ведь рождается не в дату.
Он рождается во время.
И получает его вместе с жизнью.
Не выбирает страну.
Не выбирает устройство общества.
Не выбирает достаток семьи, в которой появился на свет.
Не выбирает войны, которые однажды начнутся.
Не выбирает перемены, которые перевернут привычный мир.
Всё это достаётся ему вместе с первым вдохом.
А дальше - живи.
Косте достался конец девятнадцатого века.
Российская империя.
Херсонская губерния.
Село.
Крестьянская семья.
Мир ещё казался достаточно прочным.

Император был императором.
Губерния — губернией.
Село жило своим укладом.
Церковь стояла на своём месте.
В воскресенье звонили колокола.
Детей крестили.
Молодых венчали.
Умерших отпевали.
Церковный календарь жил рядом с календарём человеческим, и порой трудно было понять,
где заканчивается один и начинается другой.
Рождество.
Пасха.
Троица.
Петров день.
Успение.
Покров.
Так тоже измеряли время.
Но большой мир уже менялся.
Строились железные дороги. Росли города. Фабрики и заводы собирали вокруг себя тысячи людей.
Кто-то уходил из деревни на заработки. Кто-то искал земли. Кто-то — образования.
Старый порядок ещё стоял, но внутри него уже начиналось движение.
Наверное, люди всегда замечают такие перемены позже историков.
Историк потом поставит дату, назовёт период, объяснит причины и последствия.
А человек просто однажды замечает, что сын хочет жить не так, как жил отец.
Что до города теперь можно добраться быстрее.
Что в соседнем доме читают другую газету.
Что вчерашний мальчишка уехал учиться.
Что привычный мир понемногу становится другим.
Костя рос вместе с этим временем.
Когда ему исполнилось шестнадцать и он окончил церковное училище, начинался новый век.
1900 год.
Даже в этой дате есть какая-то граница.
За спиной — девятнадцатый век.
Впереди — двадцатый.
Мы знаем, каким он окажется.
Костя — нет.
И в этом, наверное, самая большая разница между нами.
Мы смотрим назад и видим события.
Он смотрел вперёд и видел жизнь.
Через несколько лет Россия войдёт в войну с Японией.
Начнутся волнения.
Забастовки.
В январе 1905 года произойдёт Кровавое воскресенье.
Беспорядки и столкновения пойдут по стране.
Люди будут требовать перемен.
Импери́я, которая ещё недавно казалась незыблемой, впервые очень заметно качнётся.

И именно в этом, 1905 году, двадцатиднолетний Костя Кобец придёт в Киево-Печерскую лавру.

Не из другого времени.

Из этого.

Мне кажется, это важно.

Мы иногда смотрим на монастырь как на место, куда человек уходит от мира.

Но стены не отменяют времени.

За ними всё равно слышно, как живёт страна.

Приходят новости.

Приходят люди.

Приходят беды.

История не останавливается у монастырских ворот.

Просто внутри человек учится жить с ней немного иначе.

Я снова посмотрела на крепостную стену.

Она тоже когда-то отделяла.

За ней был один мир.

Перед ней — другой.

Но небо над ними всегда оставалось общим.

Всему своё время.

Наверное, эти слова легче всего понять именно здесь.

Каждому человеку достаётся своё.

Свои обстоятельства.

Свои испытания.

Свои встречи.

Своя мера времени.

Косте досталось его.

Очень непростое.

Но другого у него не было.

Как нет другого и у нас.

И, наверное, не нужно придумывать, каким мог быть его путь при других обстоятельствах.

Других обстоятельств не было.

Было это время.

Был Костя.

И была протянутая ему рука Бога.

Он сделал шаг.

А дальше время пошло вместе с ним.

Я всё ещё стояла на площади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.